

В Украине после войны

За первые два года войны я видел отца лишь однажды. Мы уже переехали из Куйбышева в Москву, и он оказался в столице по каким-то своим, военным, делам. Встречей назвать это трудно, отец заехал на пару минут в подмосковный Новогорск, где мы жили на даче, и тут же заторопился назад.

А потом пришел победный 1944 год. Год десяти, как тогда говорили, сталинских ударов. Немцев окончательно разгромили, и в апреле 1944 года мы всей семьей поехали в Киев навестить отца, поздравить его с пятидесятилетием. Впервые на моей памяти он позволил себе отпраздновать день рождения.

В Киеве меня поразило яркое, не по-московски теплое апрельское солнце, зеленая трава, первые одуванчики. Разместился отец на окраине, на Куреневке. Довоенная резиденция в центре Киева, на улице Карла Либкнехта, которую все называли по-старому Левашовской, после немцев оказалась непригодной для жилья, частично сгорела.

Улица называлась Осиевской (потом ее переименовали в улицу Герцена, сейчас ее, наверное, снова переименовали), два одноэтажных дома, № 14 и № 16, один занимал отец, другой – охрана. До революции, как рассказывали киевские старожилы, это поместье принадлежало зажиточному аптекарю. Если дом на Левашовской обрамлялся тесным двориком, зажатый нависающими над ним многоэтажными зданиями, то новая резиденция утопала в обширном сиреневом саду. Сирень росла повсюду белая, розовая, темно-бордовая, фиолетовая, махровая и обыкновенная – сиреневая. От улицы сад отгораживал деревянный, тогда еще некрашенный, забор.

Все это великолепие в начале мая зацветало, и начиналось весеннее неистовство возрождавшейся жизни. Сирень влекла к себе мириады бабочек, простых коричневых с разводами крапивниц, почти черных со скорбной бело-желтой каймой по краям крыльев траурниц, притворяющихся шмелями шмелевидных бражников, настоящих шмелей, пчел, мух и к концу цветения – огромных, с желтыми, расчерченными черными полосами, хвостатыми крыльями, махаонов. Многоцветие весеннего праздника жизни жужжало, перепархивало с цветка на цветок, превращая сиреневые кусты в оживший калейдоскоп. Я уже тогда увлекался коллекционированием бабочек и мог часами слоняться вокруг сиреневых кустов с марлевым сачком в руках. Вокруг дома и вдоль забора до самого неба вытягивались каштаны с бело-розовыми пирамидами соцветий. Они привлекали меньше насекомых, проигрывая тем самым в моих глазах в конкуренции с сиренью.

Теперь уже такого праздника жизни ни в Киеве, ни в Москве, ни в Америке, не увидите, бабочки почти вымерли, шмели и те стали редкостью, наступило царство мух.

16 апреля, в канун дня рождения отца немцы совершили очередной массированный налет на скопившиеся в Дарнице железнодорожные эшелоны. Теперь, в отличие от начала войны, они летали только ночью и их встречали ожесточенным огнем зениток. Поутру я насобирав целую кучу осколков, длинных зазубренных кусков металла. Тем авианалетом война для меня закончилась. Вскоре немцам стало не до Киева.

После дня рождения отца мама решила поехать на дачу, в загородную резиденцию Украинского правительства в Межигорье, откуда наша семья так поспешно бежала в 1941 году. Мы, дети – Рада, Лена и я, увязались за ней. Отец остался в Киеве. День стоял по-апрельски солнечный. Ехали мы по шоссе, так гордо называлась тогда мощенная булыжником узкая дорога, в отличие от обычных в те годы проселков, пыльных в жару, а после дождя непроезжих из-за грязи.

Дача стояла в запустении, стены исцерблены осколками снарядов, кое-где зияли дыры от прямых попаданий. Что мне, девятилетнему, особенно запомнилось? Оружие, масса бес-

хозного оружия! Земля была усыпана патронами, гильзами, минами, повсюду валялись винтовки. У пруда, задравши в небо стволы, застыли зенитные пушки. Возле дома, где мы жили до войны, то тут то там в беспорядке топорщились холмики солдатских могил с воткнутыми в них фанерными дощечками. На каждой – надпись, начинавшаяся словами: «Герой Советского Союза» и дальше звание от капитана до рядового... Весь личный состав передового батальона, форсировавшего Днепр, получил звания героев, и весь он полег здесь, в Межигорье. Вскоре их перезахоронили в киевском Парке славы над Днестром.

Покрутившись в саду, мы вернулись той же дорогой в Киев. Нам повезло; на шоссе в тот же день на противотанковой mine подорвался трактор, а когда саперы занялись дачей, на ее дорожках нашли множество противопехотных мин. Нас же Бог миловал. Вскоре мы вернулись в Москву, а в сентябре 1944 года переехали к отцу в Киев. Теперь уже насовсем.

Несколько слов о Межигорье. Расположено оно по Днепру чуть выше Киева, за Пушчей Водицей. Сейчас это почти пригород, а тогда казалось – дальней далью. Своим названием Межигорье обязано не горам. Примыкающей к правому обрывистому берегу Днепра небольшой плодородный пятачок земли наоборот опустился ниже уровня окрестных полей, и тем самым схоронился от ветра, создался оазис, защищенный с трех сторон от продувных степных ветров. От соседнего села Валки вниз ведет узкое ущелье, скорее всего древняя промоина, по ней проложена дорога, еще в то время замощенная булыжником. Если смотреть сверху, то выглядело место как огромная яма, на ее дне – райский уголок, окруженный заросшими дубняком и соснами склонами – Межигорье.

Целебный климат Межигорья оценили еще наши далекие предки, основали там монастырь, в котором доживали отставленные от ратных дел запорожские казаки. Они построили обитель, посадили груши, яблони, абрикосы, черешню, вишню, возвели на пути стекающего сверху ручейка запруды. И получился вытянувшийся в длину на пару сотен метров пруд. В окружающих монастырь горах выкопали пещеры. В них монахи спасались от врагов и хранили свои сокровища. Говорили, что Межигорские пещеры соединяются подземным ходом со знаменитым пещерным монастырем Киево-Печерской лавры, а это более тридцати километров. Не знаю, по силам ли было предкам такое инженерное сооружение. Подземный ход, ведущий в Киев, искали многие, но я не слышал, чтобы нашли. А вот в Межигорские пещеры до войны пробраться не представляло труда: один вход на обрыве над Днестром, другой – прятался в лесу. Меня в пещеру, по малолетству, не пускали, а старшие, в том числе и охранники дачи, лазили туда неоднократно. Ходили слухи о захороненных в пещерах монастырских сокровищах, кое-кто утверждал, что даже видел там горы разного добра. Но, как водится в подобных историях, до клада никто не добрался, а потом дорогу к нему якобы завалило. Так до сих пор и неизвестно, что правда, что вымысел.

Во времена Екатерины II Запорожскую Сечь ликвидировали, часть казаков бежала за Дунай к туркам, остальные рассеялись по Украине. Монастырь захирел, казаки-монахи потихоньку поумирали. Как рассказывали знающие люди, Межигорье (тогда это место стали именовать Межигорка) отошло к дочери Екатерины II и князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Там она жила со своим мужем, отставным херсонским губернатором И. Х. Калагергия. Кто владел этими благословенными местами после них, я не знаю.

В конце двадцатых годов, с началом нэпа, революционеры, решили налаживать свой быт. Тогда для Председателя Союзного правительства Алексея Ивановича Рыкова выстроили под Москвой резиденцию Горки-9, а украинские руководители облюбовали Межигорье. Старые постройки снесли, на их месте возвели три каменных двухэтажных дома. Два дома стояли на самой круче над Днестром, а один – поглубже, в саду. Мне запомнились высоченные, метра в четыре потолки, а может быть, это так казалось с «высоты» моего пятилетнего роста. Сначала в Межигорье жили по несколько семей в каждом доме, как в пансионате. Впоследствии остались три высших руководителя: партии, правительства и Президиума Вер-

ховного Совета Украины. Площадку между домами расчертили аккуратные заасфальтированные дорожки – небывалая роскошь в довоенные времена. На заросших высокой травой газонах, косили их два-три раза в году, росли старые яблони и груши. Особенно запомнились грушевые деревья сорта «Украинка» высотой с трехэтажный дом, усыпанные плодами на недостижимой высоте. Созревшие груши периодически шлепались об асфальт, один бок сплющивался, из него сочился сладкий, сказочно сладкий сок. Подбирать их следовало со сноровкой – первыми всегда прилетали суетливые осы и, чего мы, дети, особенно опасались, огромные темно-желтые, с черными полосами, ну, чисто тигры, басовитые шершни. Они быстро въедались в грушу снизу и начинали выгрызать ее изнутри. Если неосторожно поднять плод с такой «начинкой», то не миновать сразу нескольких укусов. А жало у шершня помощнее и поядовитее, чем у осы или пчелы. Поэтому мы сначала тыкали, в приглянувшуюся грушу, длинным прутиком и только убедившись, что опасности нет, брали ее в руки.

Вкус ее я не берусь передать, нам он казался просто божественным. Много позже я купил такие же груши на базаре в Киеве. Груши как груши, весьма средние, и не сладкие, и не ароматные. Никогда не следует в зрелые годы поддаваться очарованию детских воспоминаний.

Купание в Днепре, столь притягательное для малышей, выливалось в настоящую экспедицию. К воде можно было попасть, лишь спустившись со стометрового обрыва по многопролетной, оборудованной площадками с лавочками для отдыха, покрашенной в казенный зеленый цвет деревянной лестнице. Поэтому ходили мы на Днепр редко и только в сопровождении взрослых. Это неудобство компенсировалось уже упомянутым выше приткнувшимся в углу сада длинным, пахнущим тинной, населенным огромным количеством лягушек и карасей, прудом. В нем нам не возбранялось плескаться в любое время. За ноги цеплялись водоросли, молодые карасики, осмелев, начинали пощипывать ноги, собирая только им одним ведомый урожай. С берегов в воду то и дело плюхались испуганные нашим присутствием здоровенные зеленые лягушки.

Во время наступления на Киев осенью 1943 года один из домов основательно разрушил огонь артиллерии. Его не стали восстанавливать. В том месте круча Днепра грозила оползнем. Два других дома пострадали меньше, проломы от снарядов в стенах быстро заделали, копоть от пожара замазали. После войны в них жил отец и, короткое время, Лазарь Моисеевич Каганович, присланный Сталиным в 1947 году навести на Украине порядок. Он заменил отца в качестве Первого секретаря Компартии Украины. Отцу оставили пост главы правительства республики.

Сейчас стало известно, что это решение «хозяина» грозило обернуться для отца смертным приговором. Именно так, безобидным на первый взгляд перемещением с партийного на чуть менее значительный государственный пост, начиналось нисхождение в энкавэдэшный ад его предшественника, украинского «наместника» Станислава Косиора и многих, многих других членов и не членов Политбюро. Но в то время я ничего не замечал.

По воскресеньям отец с Кагановичем, а следом за ними мама с женой Лазаря Моисеевича Марией Марковной парами гуляли по межигорским дорожкам, ходили друг к другу в гости, вместе обедали, смеялись, шутили. Моя старшая сестра Юля подружилась с дочерью Кагановича Майсей. Его приемный сын Юра с нами, малышкой, общался мало, он уже окончил школу, готовился стать военным.

Вскоре Кагановичи исчезли, видимо, намерения Сталина изменились, и Лазарь Моисеевич отбыл в Москву. Вместо них в дачу вселилась семья Леонида Романовича Корнийца, отцовского первого заместителя по Совмину. Люди простые, компанейские, приветливые и, в отличие от Кагановича, совсем не опасные. Рада теперь дружила с их дочерью Нелей. Они и до сих пор перезваниваются.

Сестра Рада выросла и, закончив киевскую школу № 13, уехала в Москву поступать в университет учиться на журналиста. Затем до меня докатился из Москвы слух, что Рада выходит замуж, жениха зовут Алешей, его мама в дружбе с самим Берией и летом, на каникулы, они приедут знакомиться в Киев.

Я с нетерпением ждал встречи: как это, у Рады – и вдруг жених? Алеша мне понравился с первого взгляда, симпатичный, приветливый. Ночевать его в Межигорье определили в «моей комнате», там пустовала дополнительная кровать.

Нужно сказать, что перед самой войной я заболел туберкулезом сумки бедра. Я и сейчас не очень понимаю, что это такое, но меня до пояса запеленали в гипс, уложили вместо матраса на лист толстой фанеры, накрытой для комфорта одним слоем тонкого байкового одеяла, и я пролежал на нем целый год.

В начале 1943 года туберкулез затих, мне укоротили гипсовую повязку до колена и разрешили вставать. Я учился ходить во время Сталинградской битвы. А время тогда отсчитывалось по сводкам с фронта. До конца 40-х годов я носил кожаный, прошитый стальными полосами, ограничивающий движение, правой, больной ноги, корсет-протез.

К моменту приезда жениха с невестой режим ослабел – мама уже каждый вечер не контролировала мой отход ко сну, и я все чаще укладывался не на свою фанеру, а на стоявшую рядом гостевую кровать с таким мягким пружинным матрасом. Приезд Алеши разрушал эту идиллию. Гостевая кровать по праву принадлежала ему. Вечером, после ужина мы с Радиным женихом отправились укладываться вдвоем, без сопровождения старших. Я придумал: гость не знает, что моя кровать с «сюрпризом» и, взяв инициативу в свои руки, «гостеприимно» уступил ему свое ложе. Сам же улегся на гостевое.

Что передумал Алеша за ту ночь? Может быть, посчитал, что в нашей семье так проверяют женихов? На следующее утро он ничего не сказал, я же почему-то не сомневался, что подвоха он не заметил.